

ЮБИЛЕЙ

Счастье Татьяны Панковой

Моск. правда. - 1993. - 30 окт. - с. 7

Коридор третьего этажа в закулисной части Малого театра весь увешан юбилейными афишами. В этом сезоне свыше двадцати человек будут праздновать от пятидесяти- до двадцатипятилетнего своего служения старейшей сцене России. Уже не говоря о 75-летнем юбилее творческой деятельности Елены Николаевны Гоголевой. И все — в одном театре, на одной сцене. А счет «пятидесятиникам» открывает Татьяна Панкова, народная артистка России, пришедшая сюда в середине войны, в 1943-м.

— Татьяна Петровна, выбор Малого театра был для вас не случаен?

— Я ленинградка, из семьи технирей и ученых. Мать была математиком, отец — довольно крупным инженером. А дети — два брата и две сестры — потянулись в театр. Началось со старшего, за ним — мы. Я, правда, долго не решалась, как говорит Елиходов в «Вишневом саде», «по причине своей внешности». Да и в школе выигрывала всякие математические олимпиады, имела вроде бы склонность к точным наукам. Отвечая желанию родителей, пошла в университет, потом перешла в политехнический институт, и только получив диплом инженера-металлурга, как отец, все-таки решилась ехать в Москву, в училище Малого театра. Поступила на курс замечательного актера, режиссера и педагога Константина Александровича Зубова. Он был руководителем курса, а педагогом — незабвенный Александр Павлович Грузинский, которому я на всю жизнь благодарна.

(О военных годах Татьяна Петровна говорит скупко. В сорок третьем закончила Щепкинское училище и была принята в труппу Малого. Сразу включилась в работу фронтовых бригад, потом, когда был образован фронтовой филиал Малого, объездила с ним все фронты. Наигралась вволю. Работали на пределе душевных и физических сил и были счастливы, что среди крови и смерти могли подарить людям минуты отдыха, воспоминаний о мирной жизни).

— А с чего началась ваша работа в самом Малом театре?

— Известный в то время драматург Николай Федорович Погодин принес в Малый театр пьесу «Сотворение мира», и меня отозвали играть в ней. Война шла к концу, и мы все, наверное, мечтали, что вот теперь-то отдохнем, отоспимся за все четыре страшных года. А Погодин устами одного из своих героев вдруг сказал: после войны будет еще труднее, и тот, кто не возьмет второе дыхание, не выдержит. У меня в то время было очень тяжело на душе. Я уже знала, что в Ленинграде в блокаду погибла вся моя семья. Что делать? Как жить? Погодинская пьеса помогла обрести это второе дыхание.

— Вы с самого начала работы в Малом стали играть «пожилые» роли, как в свое время Ольга Осиповна Садовская. А ведь в те годы были еще живы все великие «старухи» Малого театра: Рыжова, Турчанинова, Массалитинова, Пашенная. Не обидно было играть во втором, а то и в третьем составе?

— Ну, во-первых, с самого начала у меня не было ни одного года без премьеры, а то и двух. Я сыграла на сегодняшний день уже более восьмидесяти ролей. А во-вторых, Зубов мне сказал однажды великие слова: «Татьяна, я могу дать вам любую роль в первом составе. Но, пройдя со мной школу, вы, идя за старухами, пройдете университеты». И я их действительно прошла. Ведь каждая из этих великих старух просверливала такую дырку в спектакле, что, идя за ней следом, надо было находить, чем ее заполнить. И заполнить собой, своим «я». Подражать кому бы то ни было — дело бессмысленное. На свое счастье я всегда попадала к хорошим режиссерам: Дикий, Волков, Зубов, Судakov, Бейбутов, Равенских. Я играла большие роли и маленькие, но такие маленькие, которые в Малом театре всегда считались большими. Как Хлестова, Пошлепкина, старуха Тинкер в «Ярмарке тщеславия». Это — мои любимые. Еще очень любила Фоминину в «Свои люди сочтемся», люблю Евсевну в «Холопах». Проработав пятьдесят лет на сцене, я могу сказать, что для актера, будь у него большая роль или эпизод, затрата энергии одинаковая, только в эпизоде или небольшой роли ты меньше времени пребываешь на сцене, — вот и все. А образ-то лепишь с тем же тщанием.

— А случались с вами на сцене какие-то непредвиденные эпизоды, накладки, забавные случаи?

— Конечно, бывали. Вот, к примеру, два, связанных, между прочим, с одной и той же ролью, моей второй ролью на сцене Малого.

Был сорок пятый год. Шел спектакль «Иван Грозный» Алексея Нико-

лаевича Толстого. Сталин, как известно, очень любил наши спектакли, а этот — особенно и несколько раз смотрел его. Роль Ефросиньи Старицкой играла Пашенная. И вдруг она сломала ногу. Меня срочно вводят на ее роль. Принимает мою работу целая комиссия: Зубов, Ильинский, Турчанинова, Рыжова, Шатрова. Я, естественно, не только не помнила КАК тогда играла, но и ЧТО играла перед таким синклитом. Ввод мой приняли, на роль утвердили. Как вторую исполнительницу. Игруем спектакль 2-го мая. Неожиданно приезжает Сталин. Отыграли первый акт, но вместо обычного антракта перерыв длится 40 минут. Я сижу за кулисами ни жива ни мертва. Ну, вот, думаю, Сталин вызвал наше начальство и говорит: «Я приехал посмотреть Пашенную, а вы мне какую-то девчонку подсунили». Сейчас меня снимут с роли и вообще из театра выгонят, и всех разгонят. А потом оказалось, что Сталин в нашей правительственной ложе подписывал приказ о салюте по случаю взятия Берлина.

В другой раз случился эпизод тоже трагикомический. Играется сцена в келье старца Филиппа, когда вся колычевская родня пришла его уговаривать дать благословение на престол сыну Ефросиньи Старицкой, то есть моему сыну по роли. Каждый из пришедших должен был с какой-то одной фразой обратиться к старцу. Начиная же уговор боярин, которого играл Степан Каюков, после чего его слова подхватывались уже всеми остальными. А он возьми да и забудь, что положено говорить его герою. Наш суфлер, Дарьяльский, — замечательный был человек — так спокойно подает Каюкову его текст из суфлерской будки: «Филипп, Филипп-пушка, ведь ты же наш, Колычевский». Каюков молчит, и все остальные за ним тоже. Дарьяльский им из будки: «Да берите же, дьяволы, берите!» Все молчат. Дарьяльский уже громко: «Ну, Федоровский, играй!» (Старца Филиппа играл актер Федоровский). Опять молчание. Это был шок. Сцена остановилась. Ужас какой-то! Я не выдерживаю и начинаю текстом то ли Шальникова, то ли Каюкова: «Ну, вот что, Филипп...» Что мы там играли потом, уж не знаю. Только когда ушли за кулисы, даже мужчины едва не расплакались. Когда же Дарьяльский начал нас пушить, чуть со стульев не попадали от смеха.

Вот такие случаются казусы на сцене.

— Кто из блистательной плеяды стариков Малого был вам наиболее близок?

— Творчески? Наталья Алексеевна Белевцева. Блистательнейшая актриса! Она была народной артисткой и имела все прочие регалии, но все равно, как мне кажется, ей было недодано за ее высокое искусство. Каждая ее роль — это был острый характер, ин-

тереснейший, хотя она могла быть и лиричной, и очень тонкой, нежной. Она и в жизни была прекрасным человеком, мы с ней очень дружили. Она мне и свою гримбуторную завещала. Вот уже много лет мы с Ириной Ликсо сидим в ее уборной, на стене у нас — ее портрет. Была в блестящих отношениях и с Верой Николаевной Пашенной, хотя все полагали, что мы должны были соперничать. Я ведь играла ряд ее ролей в спектаклях «Доходное место», «Южный узел», «Иван Грозный», Кабаниху в «Грозе». Кабаниха была у меня, как я сама считаю, неудачная. И вот почему. Я выпускалась из училища ролью Кабанихи в дипломном спектакле, который поставил Зубов. Там Кабаниха у меня получилась, за что я и была взята в Малый театр. А у Веры Николаевны трактовка роли была совершенно иная, и я никак не могла себя под нее переломить. Во мне жила моя, прежняя, Кабаниха. Я даже просила Пашенную отпустить меня с роли. Но были назначены два состава и надо было репетировать. Вера Николаевна в ту пору была уже тяжело больна, однако старалась преодолеть свой недуг. У нее был железный принцип: в Малом театре не должно быть отмены спектаклей по причине болезни актера. Труппа большая, на каждую роль можно найти по два, три исполнителя. Спектакль вышел 17 января 1962 года. Пашенная играет, а у меня еще даже костюм не готов. И вдруг 1 февраля, как сейчас помню, звонит Пашенная и говорит, что играть не может. Я ей про костюм и то, что последний месяц перед выпуском совсем не репетировала, потому что к премьере готовилась сама Вера Николаевна. А она в ответ: возьмите мои костюмы, вплоть до головных платков. И вот я играю. По-моему плохо, даже очень плохо. Прошу заведующего труппой Велехова ввести в спектакль кого-то третьего, вместо меня. Не разрешают, велит пока играть. Через Ирину Витольдовну Полонскую, дочь Пашенной, передаю Вере Николаевне свою просьбу, чтобы она все-таки пришла и сама играла, а я для страховки буду приходить тоже, гримироваться, одеваться на случай, если у нее не хватит сил довести спектакль до конца. Так и дежурила на ее спектаклях. Наступило 28 февраля. Она гримируется и говорит: «Напрасно я готовлюсь. Мне сегодня особенно плохо». Я все-таки уговорила ее. Она сыграла один акт и начинает раздеваться: «Не могу больше». Ну хорошо, — говорю я. — Я могу доиграть спектакль. Только знайте, если вы не выйдете сейчас на сцену, не преодолеете себя, вы больше никогда не сможете играть». И она пошла, и доиграла свой последний спектакль. Осенью ее не стало. Гениальная была актриса. Я у нее прошла свое университет. Играла ее роли во втором и даже в третьем составе. Все считали, что она «заведает» мой век. А я ей низко кланяюсь. Я у нее все время училась.

— Можете ли вы сказать, что у вас счастливо сложилась судьба?

— Я считаю, что самое главное для человека — найти свое место под солнцем. Найти для себя ту профессию, когда перестанешь понимать, за что тебе платят деньги. Ты же не работаешь, а живешь своим делом, ты счастлива, а тебе еще и платят за это. За пятьдесят лет в Малом театре я видела и его взлеты, и падения, были тяжелые, казалось, безысходные минуты, когда хваталась за голову крупнейшие мастера. Все было. А сейчас, когда все театры переживают особенно тяжелый период, я считаю, что Малый театр по сравнению со многими другими в лучшем положении. У него есть планка. И он ее не снижает.

Я где-то читала, что японские ученые работают над аппаратом, способным фиксировать в помещении звуковые волны чуть ли не годичной давности. Вот и мне кажется, что великая энергия биополей великих мастеров Малого живет где-то в этих стенах. Вышел на сцену — будто сами подмостки тебе подсказывают, что делать. Помогают они тебе, помогают!

Смотрю на Татьяну Петровну и не верится, что за ее плечами пятьдесят лет на сцене Малого театра. Вот только вчера играла она старуху Евсевну, сидящую квашней на печи в «Холопах», а за три дня до этого была Онуфриевной, мамкой Грозного царя в «Князе Серебряном», в «Царе Федоре Иоанновиче» зрители увидели ее лживую, коварную, алчную Василису Волохову, а на своем юбилейном вечере 2 ноября предстанет она Фетиньей Мироновной Епишкиной в «Не было ни гроша, да вдруг алтын», последней премьеры Малого...

Успеха вам и новых ролей, неутомимая Татьяна Петровна. И да не изменит вам актерское счастье.

Н.БАЛАШОВА.

На снимке: Т.Панкова в роли Евсевны («Холопы»).

Фото И.ЕФИМОВА.